Местечковые рассказы

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Местечковые рассказы МЕСТЕЧКОВЫЕ РАССКАЗЫ

Эдуарда я знаю давно. Еще с тех пор, когда на его щеках красовался юношеский румянец, а светлые волосы вихрились, словно у заезжего певца. Говорил, делая упор на ударения, чтобы подчеркнуть свою значимость.
Он пришел на презентацию моей книги, которая проводилась в пресс-зале областной газеты «Могилевские ведомости». В юности мы не были друзьями – больше коллегами, однокурсниками, но между нами не проходила нить неприязни. Этого было уже достаточно, чтобы через годы смотреть друг другу в глаза. Он знал, что я еврей и, если по пьянке другие коллеги меня могли обозвать, то Эдуард до такой низости никогда не опускался.
После университета и высшей партийной школы он стал корреспондентом областной газеты, потом – собкором республиканской. И вот мы встретились через тридцать лет…
– Евреи уехали, а белорусы, оставшись одни, что-то потеряли, стали беднее. Только сейчас начинаем это осознавать. Мы никогда не жили с другими народами, не знали их. Откуда шел духовный свет в наши деревни? Из еврейских местечек, – такими словами Эдуард начал свое выступление. – Хотите, я расскажу о том, как мы раньше жили вместе, помогая друг другу?
…Зал затаил дыхание. Придав рассказу Эдуарда некоторую художественную окраску и изменив имена, я предлагаю вам этот очерк.

- **Рыжая кошечка**

Нина была собой хороша: пухленькая, фигуристая. На лице улыбка, всегда с настроением. Другие бабы недовольны своими мужиками: один выпивает, второй на сторону посматривает, третий мало зарабатывает.
— Нинка, неужели у тебя все хорошо? Всем довольна? Ты, как белая ворона, среди нас? — ворчат на нее сослуживицы из техотдела.
— Довольна! Живу, обхожусь без докторов. Что нужно еще? — смеется в ответ.
Но вдруг опечалилась, пошла к главному:
— Мне нужен отпуск на недельку за свой счет. Домой надо, в Беларусь…
Вначале с Урала добиралась до Москвы, потом была пересадка на Минск, дальше на Могилев. И вот она — станция Климовичи. Не изменилась, даже посвежела, вся в цветах.
— Тетя Нина, — бросается к ней молодой мужчина.
— Петька? — не узнает в нем в пятилетнего карапуза, каким видела в последний раз.
— Крестная помирает, попросила тебя вызвать. Вот я и вызвал. Говорит, что должна тебе какую-то тайну рассказать.
— Крестная, крестная, — всю дорогу думала о ней Нина, — она же мне заменила маму, которая рано умерла. Помогала всем, чем могла с самого детства. Мачеха, которую привез отец, невзлюбила падчерицу.
А крестная, светлая душа, делилась с ней последним.
— Ты, моя красавица! — любовалась ею, когда девушка примеряла обновку.
И вот теперь все: последняя родная душа оставляет ее на земле. Замуж как-то не вышла: кто ее хотел, того она не хотела, а кто Нине приглянулся, перехватывали более практичные подруги.
Митрофановна — так звали крестную, была совсем плоха.
— Дачушка, моя! — стала вытирать старушечьи слезы, увидев Нину. — Будет грех, если уйду на тот свет и не поведаю тебе твою тайну.
— Какую тайну?
— Есть у тебя еще одна крестная…
Еще?

— Во всех одна, а у меня две?
— Может, и не две, а даже больше?
Митрофановна помолчала, пошамкала своими шершавыми губами
— Раньше я не хотела тебе об этом рассказывать. А теперь пришло время. Слушай.
… Дождь застал беременную женщину по дороге из села Канаховка в город Климовичи, что в Беларуси. Гром гремел на всю округу, молнии били одна за другой совсем рядом, а дождь хлестал, как из ведра.
Увидев крылечко, беременная женщина с трудом поднялась под его крышу. Хотела выждать и срочно спешить в родильное отделение. Местная фельдшерица ей сказала, что она на сносях, но куда-то уехала. Вот и пришлось Тамаре самой добираться в город. Успела пройти дорогу от Канаховки до Свиреля, а от Свиреля до Михалина. Говорили, что в нем живут евреи, но никого из них не знала. Когда приходилось проходить через Михалин, видела людей с черными волосами и странным произношением.
Боли внизу живота усиливались.
— Неужели роды? Как же это я?
Не сдержалась от крика — дикого, нечеловеческого. На крылечко выскочил седой Давид.
— Ой — вей! Роза, Роза, — здесь женщина, женщина, я не могу понять, что с ней?
— Что с ней? Быстро беги, ставь таз с водой на керогаз и поднимай всех евреев Михалина, — увидев Тамару, сразу все поняла Роза. И Давид побежал: стучал ногами в дверь, а потом дальше бежал.
— Ой, ой, ой…
— Что случилось? Пожар?
— Хуже! Женщина у меня рожает, помогите, — скороговоркой говорит Давид.
— Ты забыл, что твоей Розе уже 60 лет, — ничего не понимает Зяма, а сам торопит свою Симу.
Когда Давид обежал Михалин и вернулся домой, Тамару уже перенесли в дом и возле нее крутились женщины.
— Все отойдите! Все, — скомандовала Роза, — не мешайте.
Рожали всем Михалином: мужчины давали советы, женщины ойкали,

вздыхали… В город в такой дождь не добраться, телефонов не было ни у кого: был только на проходной спиртзавода. Сбегали туда, но там он не работал.
— Любила кататься, люби и саночки возить, — шутит длинноносый Янкель.
На него зашикали женщины:
— Кататься! Вы, мужики, разве спрашиваете, любим мы кататься или нет? Только давай! Кыш отсюда, — рассвирепела полногрудая Злата.
… Дождь бил в окна, по крыше, роженица кричала, даже выла от боли, но родить никак не могла.
— Раввина, раввина надо, — поднял руки вверх Залман.
— Какого раввина? У нас же советская власть, синагоги закрыты, Зелик молится дома по священным книгам. Он у нас за раввина, — подал голос Малах.
— Какой Зелик? Он же в городе живет, как добраться до него за три километра из нашего Михалина?
— Молимся евреи! Молимся! Пусть Бог поможет роженице в эту ночь, ь- находит кто-то решение.
— Какой Бог? Она же не еврейка — гойка…
— Еврейка? Не еврейка? Какая сейчас разница? Сколько уже лет эта женщина ходит через наш Михалин. За эти годы еще какой еврейкой стала, — говорит мудрый Эли.
Роза, склонившись над обессилевшей Тамарой просит ее посильнее натужиться:
— Давай, милая, давай!
А евреи, повернувшись в сторону Иерусалима, начинают молиться, как их раньше учили в хедере. Непонятные для округи слова уносятся в грозовое небо, усеянное яркими молниями. Так яростно Михалин давно не молился. После войны здесь евреев осталось мало. А те, кто остались, забыли слова молитвы. А сейчас вспомнили! Все слова вспомнили. И раскачиваясь, нараспев просят Бога:
-Ба-рух Ата Адо- най, Ба- рух Ата Адо-най…
Просят и просят за крестьянку из соседнего белорусского села…
Ад-о-н-а-й-й-! — несутся гортанные голоса в небо.
— Люди! Люди! У нас родилась девочка! — выскакивает на крыльцо

радостная Роза.
Гром мечет молнии, дождь тарабанит, а евреи, обняв друг друга за плечи, танцуют и поют: « Ве- ли-кий Бог Изра- илев, Ве- ли-кий Бог Изра-илев…».
— Мишигинерим (Сумасшедшие)! Вы так даже не радовались, когда родилась моя внучка? А сейчас устроили такой тарарам из—за какой-то гойки, — разводит руками, подошедший на шум Соломон.
— Михалинцы, посмотрите на него. Это же цудрейтер! Самый настоящий цудрейтер! (ненормальный)! Э-э, как родители ошиблись, назвав тебя Соломоном. Твое имя — шлимазел! (недотепа). Мы сегодня спасли две живые души. Пони-маешь? Разве души имеют национальность? — напала на несчастного демагога Ханка, гроза Михалина. А роженица только бессильно улыбалась и благодарила женщин, которые, завернув девочку в чистые простыни, положили рядом с ней.
— Этой девочкой была я? — наконец задала вопрос Нина.
— Да! Это была ты!
— Но почему мне об этом никто раньше не рассказывал?
— Мы не знали, как отнесутся в деревне к тому, что роды у белоруски принимали евреи. Боялись, что злые люди начнут тебя обзывать.
Митрофановна помедлила, втянула иссохшим ртом воздух и добавила:
— Что уже теперь говорить? Сходи лучше на еврейское кладбище. Все еврейки Михалина, похороненные там, можно сказать, твои крестные матери. Но Роза, которая принимала роды, сделала больше всех, чтобы спасти тебя и твою маму Тамару. Ее могила возле старого клена.
Утром следующего дня Нина была уже на еврейском кладбище.
Ходила от могилы к могиле. Находясь впервые здесь, вдруг почувствовала какую-то душевную связь с этим местом. Когда подошла к старому облупленному обелиску возле клена, защипало в глазах. С фотографии ей улыбалась красивая женщина.
— Так вот ты какая, Роза, моя еврейская крестная? — присела возле памятника.
Все вокруг заросло травой, кустарником. Собрала листья с постамента, убрала траву, вытерла памятник. В этот день в

Канаховку Нина вернулась к вечеру. Митрофановна заметно обрадовалась, словно, сняла с себя тяжелый крест, когда узнала, что Нина нашла могилу Розы.
— Крестная, ты теперь поправишься. Я это точно знаю! — обняла ее за сухонькие плечи.
Митрофановна счастливо улыбалась, даже ноги опустила на пол, а потом добралась до двери, а от нее — на кухню. Это какая же гостья издалека приехала. Привечать надо ее по-людски!
Стала постепенно крутиться в доме, на огороде, а соседи только удивляются.
— Митрофановна, ты уже передумала помирать?
— Не время еще, — хитро улыбается старушка, — еврейский Бог мне помог.
Нина продлила свой отпуск. Нашла мастеровых людей, попросила их привести в порядок памятник на могиле еврейской крестной. Вокруг него положили плитки, поставили новую ограду. Впервые в жизни деньги ни на что не жалела, платила, сколько просили.
Вот и пришло время собираться в обратный путь. По дороге на вокзал завернула на кладбище. Из раскрытой калитки навстречу к ней бросилась рыженькая кошечка.
— Чудеса! — развел руками, живущий рядом Кузьма, — она тут совсем недавно появилась. В руки ни к кому не идет, а увидела тебя — словно всю жизнь знает!
В далекий Урал Нина приехала не одна: вместе с огненно-рыжей прелестницей.
— В нее точно перевоплотилась моя крестная Роза. На фотографии у нее такие же огненно-рыжие волосы, — не сомневается Нина.
Эдуард закончил свой рассказ, а в зале все еще долго сидели молча…

• Школьный роман

Мало уже сейчас кто помнит, какими были Климовичи в тридцатые годы. Тогда я вам скажу. Конечно, это была не Одесса и даже не областной Могилев, но спящий десятилетиями городок на самом востоке Белоруссии, проснулся. Строились предприятия, открывались торговые лавки, на улицах замелькали новые лица.

— Ты ли это, Ханеле? — остановила темноволосую девушку старая торговка Соня.
— Да, это я, приехала домой на каникулы, — смеется студентка столичного института, сверкая белоснежной улыбкой. — Слышала, что в вашей еврейской школе появился новый директор. Красивый говорят?
— Вот почему ты караулила меня возле дома? Не видела, но говорят, обходительный, молодой еврейский учитель.
Хохочет Ханеле, как будто в Минске у нее нет ухажеров:
— Пруд пруди, только они все в протертых штанах из таких же еврейских местечек. Даже на мороженое у них нет денег. Скажу подружкам, что подцепила самого директора школы, никто не поверит.
Над Климовичами, его удивительным парком плыл тополиный пух. Старые клены задумчиво смотрели на молодежь. Когда-то здесь прохаживались гимназистки, барышни, вся местная элита. Пришла революция, смела сословия, объявила о равных правах для всех народов. Поднялась городская беднота, а хорошая ее половина — еврейская молодежь. Одни давно уже уехали в столицы. Другие подрастают и тоже готовят чемоданы в дорогу, мечтая остаться в больших городах. Но такого еще не было, чтобы кто-то сюда вернулся обратно. Открыл еврейскую школу-семилетку и стал ее первым директором, как Израиль Лейтус, сын раввина из соседнего городка Хотимск. Еврейская детвора во все века бубнила молитвы, училась в хедерах (религиозные начальные школы). Но изучение общеобразовательных предметов в еврейской школе, а после нее поступление на равных правах вместе с другими — это же новость из новостей!
— Молодой человек! Ужин для вас я уже приготовила, — бабушка Соня не скрывает радости за своего такого важного квартиранта.
Высокий, курчавый с широкими бровями, он на минуту поднимает глаза от книги.
— Можно немного попозже? — улыбается своей светлой улыбкой.
— Да ты кого-то ждешь?
Вчера несколько раз забегала ее внучка Асенька. И раньше часто навещала: обнимет, поцелует, поможет по дому. Но в последнее время чаще обращается не к ней, а к постояльцу. Мол, одно

непонятно, второе – нужно объяснить. Но, если дома живет настоящий директор, почему бы ему не помочь Асеньке? Пусть учится, закончит школу уедет, как та же Ханеле в Минск. Соня закрыла глаза, представив, как Ася – такая модная и городская, постучит ей в дверь, а она всем соседкам будет рассказывать о том, что ее внучка – будущий врач, или учитель, или на худой конец – бухгалтер. Пусть все завидуют, пусть…
– Бабушка, бабушка! – обняла ее своими теплыми руками внучка. Глаза – бусинки сверкают, губы, словно две вишенки. Говорит с бабушкой, а взгляд за взглядом бросает на Меира, на Меера…
– Чай, чай, чай! – хлопает в ладоши Соня, – с вареньем! Со свежим клубничным вареньем! Сама его варила, берегла для самых дорогих важных гостей.
Кто самый дорогой? Конечно же, Асенька! И, конечно же, директор школы! Разве Малка или Сима – ее ближайшие подруги могут похвалиться таким квартирантом? Нет! Нет! Привалило ей самое настоящее еврейское счастье: правда, прибавились заботы, но веселее стало жить! Да и Асенька забегает в день по несколько раз, не то, что раньше. Бабушка только улыбается, видя, как внучка, сделав несколько глотков горячего чая, придвигается поближе к Израилю со своими тетрадками. Ученица-старшеклассница пьет чай с самим директором школы, вместе им и обжигаются. Смеются, наливают его друг другу в чашечки с красивыми блюдцами. А бабушка Соня только подкладывает варенье на стол и, сложив руки на груди, любуется ими:
– Не думала-не гадала, что, может, еще стану шадхэнтэ (свахой) для собственной внучки? Ой, дела-дела…
Израиль что-то объясняет по грамматике, правописанию на идиш. А потом заводят разговор о еврейских писателях.
– Пишут в газетах, что Изи Харик враг народа. Не верю этому. У него такие стихи и поэмы, что он не может быть врагом, – запальчиво говорит девушка.
Израиль рывком поднимается с места, задергивает занавеску и громко говорит: «Враг он, враг! И посадили правильно», – заметив, как возле окна проскользнула чья-то тень. Погасив лампу, притянул к себе девушку, ощущая мягкость ее тела.
– Да вы, что? Да вы, что? – оттолкнула его от себя Ася.

Ей, девчонке, он сразу понравился, но такого хамства от него не ожидала.
— Директор школы и такой пошляк? — спешит набросить на себя пальто.
— Сядь, — властным голосом, — приказал Израиль. — Я заметил, что кто-то стоит возле окна. Время такое, нужно быть осторожней. — И тише добавил, — Поэт Изи Харик не враг, я даже с ним лично встречался, но для устрашения простых людей, арестовывают самых лучших. Давай-ка лучше поговорим о нас. Я ничего не могу поделать с собой: полюбил тебя, как увидел. Но, как все посмотрят на нас? Я директор школы, ты — старшеклассница. Власти еще заведут на меня дело.
… Бабушка Соня спала крепким сном, а Израиль провожал Асю домой. Желтые листья кружили над старым парком, прохожие с удивлением смотрели на то, как директор школы идет за руку со своей ученицей. А они решили не скрывать свой школьный роман. Впереди у них была целая жизнь.
… Смеется Иосиф Лейтус:
— Мои внуки чаще спрашивают не о том, как я познакомился со своей женой, а как их прадед — мой отец женился на ученице.
— Этого не могло быть? — не верят они.
— И что вы отвечаете?
— Что я тоже в это не верю, но, когда был в Климовичах, прежде всего пошел к старому зданию возле парка, где начинался роман моих родителей.

• Циля

— Ци-и-л-я-я, — несется по маленькому городку, мама Тэма беспокоится за дочь.
Вернувшийся после войны с одной ногой, отец Гриша, опираясь на костыль, медленно идет по дощатому тротуару. Хорошо знает, как только дочь услышит его походку, сразу же отзовется. Она, видимо, где-то рядом?
— Я здесь! — девочка появляется с другой стороны, бежит, подпрыгивая, по тротуару.
— Цы-цы, — показывают языки задиристые мальчонки.

— Почему они меня обзывают? — спрашивала у мамы.
— Моя девочка, — обняла ее, — когда я была маленькой, еврейских детей называли еврейскими именами. Они были привычными на слуху. Вот и я тебя назвала Цилей. Это красивое имя, поверь мне, и никого не слушай.
— Хорошо не слушать, — думает про себя. — Изменить бы первую букву «ц» на «л»? Уснуть Цилей и проснуться Лилей, — мечтает девчонка, взрослея с каждым годом.
Жизнь в сонном городке однообразна: зимой морозы, весной — паводки, летом — короткие теплые дни, осень — дожди. И так год за годом…
— Твое имя означает «пребывающая в тени Бога». Такая защита дана не каждой, — как-то встретил девушку набожный еврей с белой бородой. — Живи с этим именем! Придет время — тебе будут еще другие завидовать!
Сейчас она об этом вспоминает с улыбкой. А рядом проходят бывшие Светланы, которые в Израиле стали называть себя Орит. Многие Ани стали… Ханами, Елизаветы — Леями, Марины — Малками, Алены — Иланами. Хотя в новой стране никто и не подтрунивает над их русскими именами, а тем более не обзывает.
А Циля — эта красивая еврейская женщина с мягкой загадочной улыбкой, осталась Цилей. Может, поэтому она так загадочно улыбается, что и сейчас помнит слова того набожного еврея?
Как будто все заранее знал? А может, и знал!
Не зря читал загадочные книги с пожелтевшими страницами. Только он один знал иврит в нашем маленьком городке на самом востоке Белоруссии.

• Ханка

Ханка стоит на крыльце комбината бытового обслуживания. Громко сказано! Комбинат — для невзрачной двухэтажной постройки? А ежели учесть, что она находится в центре городской площади? Справа — церковь, слева столовая, а напротив маслозавод? После такого букета важных соседей, как бы вы изволили назвать место работы бытовиков? Но Ханке все равно, что написано на вывеске, которая висит над крыльцом, где она стоит. Увидела меня,

замахала рукой.
— В белом халате? Вы же всегда были в черном?
— Я теперь уже не уборщица. Парикмахерша! — многозначительно поднимает палец вверх, — поэтому в белом халате, — иди, иди, подталкивает меня своим теплым животом к креслу.
— И когда вас повысили?
— Сегодня!
— Значит, я у вас первый клиент? Уши не обрежете?
— А на ком я должна проходить стажировку? Только на своих, — крутит мою голову влево.
— Тетя Хана, а не кажется ли вам, что на нашу долю и так выпало немало испытаний?
— Клава! Ты посмотри на этого шлемазела (недотепу), — обращается к своей соседке, — выстояла на морозе полчаса, пока дождалась первого клиента, так он еще делает мне вырванные годы?
— Я —шлемазел?
Конечно! Если не помогаю Ханке. Сколько лет она ходила с веником, подсматривая, как работают ее подружки, училась на чьих—то головах, и, когда ей привалил такой мазаль (счастье), я ему мешаю?
Молчу-молчу. Сижу, как на мине. Одним глазом только посмотрю, как она орудует ножницами и с ужасом закрываю.
— Кавалер! Настоящий кавалер! — подносит зеркало к моему лицу через полчаса, — и, как первому клиенту —бесплатная порция одеколона.
Без спроса обдает меня струей «Шипра» и говорит:
— В другой раз за одеколон заплатишь! У нас только воздух без денег.
Ее товарки, выстроившись полукругом, смотрят на меня толи с сожалением, толи с удивлением. Я же радуюсь больше всех: и волос стало меньше на голове и жив остался.
— Передай Давиду, что Ханка стала парикмахером. Пусть приходит, — мягким животом выпроваживает меня на улицу.
Назавтра наш Батя приходит домой каким-то неузнаваемым.
— Сынки, — подзывает моих четырех братьев, — нужно по очереди ходить к Ханке. Пусть практикуется на нас.

— Свою голову ты можешь даже оставить у нее, а детей не трожь, — мама тигрицей защищает нас.
Прошел месяц или больше, я совсем уже забыл, что Ханка перешла в более высокую лигу, опять захожу в парикмахерскую.
— Посиди, через пять минут я свободна, ми же свои люди? — подмигивает мне.
— В вашем кресле тоже кто-то из «своих»?
— А ты, как думаешь? Еврейская голова должна быть в надежных руках.
Весь салон не просто смеется, а падает от смеха:
— Ханка! Ты скоро оставишь нас без клиентов?
-О чем ви говорите? В городе еврейских голов — раз, два и обчелся…
— Ну-у! Родственничек, сад-и-и-сь, пока я добрая, — это уже ко мне.
Смотрю, что уже уши не царапает ножницами, машинкой не вырывает волосы. Хорошо стрижет!
-Тетя Ханя, как вы так быстро научились? Кто вам помог? — спрашиваю у нее.
— Ви и помогли. Ми же свои люди…

• Ничего не попишешь…

У нас, послевоенной детворы, вырастающих из своих штанов, все было общим. И парк, и улицы, и лыжные гонки, и время, которое осталось в каких-то радужных
воспоминаниях.
… В центре городской площади — огромная лужа. За ней — старые постройки маслозавода. Из его трубы валит дым — черный и густой.
— И чем ему наша церковь не нравится? — балагурит Федор — местная знаменитость.
Его рубашка расстегнута, несмотря на мороз. Глаза щурятся.
— Почему не нравится?
— Ты не видишь, как закоптились купола? Раньше они были золоченные, а теперь какие?
— Купола, как купола, — отвечаю ему.

-А-а, так ты же нехристь, в церковь не ходишь?
— Не хожу. В синагогу бы зашел, но ее в городе нет.
— А ты в церковь ходишь? Тоже нет! Скоро будут праздники, вокруг нее будет патрулировать патруль. Всех комсомольцев и пионеров запишут, кто зайдет в святую обитель…
— И ты писака, будешь в патруле?
— Я не в патруле и писать об этом не буду.
Федор поманил меня пальцем, хитро прищурился:
— А ежели, крестить ребенка надо? То как?
— Не прикидывайся! Все крестят!
— И партийные!
— И партийные! Бабушки, дедушки обращаются к батюшке.
И грустно, и смешно вспоминать один из эпизодов тогдашней жизни.
— Вчера крестили сына. Иван, ты партийный, следователь милиции. Сиди дома, -приказала я мужу, щебечет наша редакционная машинистка Тоня.
— Сидел!
— А ты?
— А я выпроводила бабушек в церковь с сыном, а сама иду за ними на расстоянии. Когда они зашли, я посмотрела по сторонам, да шмыгнула в церковные ворота.
— Крестили?
— Крестили! — проговорила она, прикрыв рот рукой.
— Не сознательный ты элемент, Антонина! Коммунизм с тобой не построишь.
— Иди ты со своим коммунизмом знаешь куда? Я его с ранних лет забоялась?
— Почему?
— Думала, что придут и заберут для общего пользования мое единственное штапельное платье. В детстве, когда я спала, всегда прятала его под подушку.
— Ты перепутала светлое будущее с коллективизацией, когда действительно все обобщали. Еще работник редакции.
Тоня посмотрела по сторонам, сузила глаза и прошипела:
— А по мне все, что начинается на «ко хорошее говно…
После этих слов я так давно не смеялся!

— Яфим! И что ты здесь устроил представление? Пойдем лучше в ресторан обедать, — предлагает мой коллега Эдуард.
— Где продолжится другое представление?
-Не понимаю…
— Поймешь!
В здании рядом с вывеской «Столовая» вывешивают новую вывеску «Ресторан». Вывешивают всегда днем. Мужики поднимаются по лестнице и, кряхтя, прикрепляют белое полотнище.
— Ну как? — кричат сверху.
— Косо, косо, глаза протри, — командуют с земли.
Успе-ели!
— «Ресторан», — читаем, поднимаясь на старое крыльцо.
Официантки в тех же белых передниках, но в свежих чепчиках. Зато на столах — белые скатерти.
— А в меню?
— В меню тоже самое, -доверительно шепчет Рая, моя бывшая соседка по Михалину, — но цены ресторанные.
— Что за представление? Если ресторан, то и блюда должны быть ресторанные, это уже Эдуард устраивает представление, — возьмем и напишем, как вы народ дурите.
— Что писать? И так все знают? Будете заказывать гуляш или шницель? Больше у нас нет ничего? — новенькая официантка топчется с ноги на ногу.
— Скажи, это тоже подавали в столовой?
— Если знаете, зачем спрашиваете? — смотрит по сторонам.
Но в зале полно народу, белые скатерти, как магнит, притягивают людей. И рекламы никакой не нужно…
— Двойная жизнь? — смотрю на коллегу.
— Ты еще посмотри, что завтра будет?
— Что будет завтра, хорошо знаю: радоница (в этот день для поминовения усопших приходят на кладбище родные).
Простые люди на гробки идут без боязни, а вот начальнички разных уровней, да еще партийные, не могут себе этого позволить.
— Ну и жисть: или кресло или радоница? Пойду — обязательно донесут в райком, — влиятельный руководитель разводит руками.
— Пусть меня простят батьки, через неделю их навещу.

Думаю, что евреев настолько мало в городе, что даже никто и не контролирует, кто и когда из нас идет навестить своих ушедших. Улыбаюсь, хоть в чем-то есть привилегия…
По дороге навстречу идет Мойше, но его по имени не зовут. Есть кличка: одноухий. Никто уже не знает, то ли он родился таким, то ли был несчастный случай? Под рукой – буханка хлеба. Пока все спали, ночь работал на хлебозаводе – заслуженно несет пайку хлеба домой! А вот работники ликероводочного завода открыто не ходят по городу со своими бутылками. И так все знают, у кого самые лучшие машины и дома. Я же иду пешочком: на мою журналистскую зарплату в лучшем случае можно купить велосипед. Что и делаю: зато какая зарядка!
– Тпр! – останавливает упряжку лошадей Зелик Суперфин, – конюх завода металлических изделий, – О чем пишешь?
– О жизни.
– Не о том пишешь, – снисходительно смотрит на меня.
Я знаю, что во время войны он, председатель еврейского колхоза, посадил на повозки десяток еврейских семей и вывез их в тыл.
– Это же подвиг! – все время говорит мой отец Давид, – напиши об этом.
– Да никто и не напечатает.
– Для будущего пиши…
Еще один «наш человек» – Иосиф Маневич – местная знаменитость. Десятки лет руководит районной киносетью. К многочисленным грамотам у него добавилось партийное взыскание за… низкую заготовку веников для общественного скота.
– Поздравляю! Хватит тебе уже в передовиках ходить, – смеюсь я.
– А тебе хватит искать героев только на полях и фермах.
– Опять еврейская тема? Знаю, что мама Иосифа обвела полицейских и убежала из-под расстрела. Но кто и когда это опубликует?
За одного такого героя уже получил по голове.
– Тоже мне освободитель Берлина, пол-ков-ник!
Только Миндлин его и брал, – звонят мне по телефону.
– Все брали.

— Только Иваны полегли, а Абрамы ходят по земле.
Отвечаю, что полегло более шести миллионов таких Абрамов, но крик продолжается дальше.

… Все было — и хорошее, и плохое. Все ушло, но городок — такой красивый и уютный сегодня остался. И люди в нем живут другие. И на фасаде местного музея помещена гранитная доска в честь художника Парижской школы с мировым именем Роберта Генина. Он жил в том же селе Красавичи, где я закончил три класса.
На стендах музея — макет танка легендарного полковника Вениамина Миндлина, который уехал в Москву из того же Михалина, из которого и я уехал в Израиль. А директор музея Дарья Эверс по всему миру ищет и находит новые экспонаты, документы, письма бывших жителей города, не обращая никакого внимания на национальность. Точно также, как и директор центральной библиотеки Татьяна Доменикан и ее улыбчивые помощницы, организующие презентацию за презентацией моих новых книг.
Мне кажется, что евреев в моем бывшем маленьком городке стало больше…
Только они переместились в музеи, библиотеки, в историю города и… на кладбище. Правда, на улицах их почти нет. Но здесь уже ничего не попишешь… Hekaўalar